

26 июля 2004 г. внезапно ушел из жизни один из лучших представителей осетинской интеллигенции, талантливый осетиновед, директор Центра скифо-аланских исследований ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А Виталий Михайлович Гусалов.

Виталий Михайлович Гусалов родился 16 марта 1953 г. в с. Дарг-Кох Кировского района РСО-А в семье служащих. Окончив среднюю школу родного села, он работал корреспондентом районной газеты «Вперед» (с. Эльхотово).

В 1970 году Виталий Гусалов поступил на филологический факультет СОГУ имени К.Л. Хетагурова, по окончании которого работал в Гостелерадиокомпании СО АССР (корреспондентом, редактором, старшим редактором).

С мая 1976 по июнь 1977 года проходил военную службу в рядах Советской Армии, а после демобилизации вернулся на Северо-Осетинскую студию телевидения редактором.

С мая 1978 по февраль 1980 года состоял лаборантом кафедры общего языкознания и осетинской филологии СОГУ.

В конце 1980 года тогдашний директор Северо-Осетинского НИИ истории, литературы, языка и экономики Х.С. Черджиев получил письмо от всемирно известного ираниста В.И. Абаева следующего содержания: «Дорогой Хазби Савич! В последние годы, бывая в Осетии, я присматриваюсь к молодым людям, получившим высшее образование, с целью отобрать кого-нибудь для подготовки к научной работе по осетинскому языку. Наиболее благоприятное впечатление произвел на меня Виталий Гусалов (в настоящее время он работает на теле-

Памяти Виталия Михайловича Гусалова

студии). У него широкий кругозор, пылкий ум, живой интерес к родному языку и его истории. Если бы Вы могли направить его от СОНИИ в качестве стажера в Институт языкознания АН СССР, думаю, что он оправдал бы наши надежды. С уважением, В. Абаев».

Это письмо определило будущее и открыло широкую дорогу в филологическую науку Виталию Михайловичу Гусалову, решившему посвятить себя научной деятельности в области осетиноведения. Он был направлен стажером в Институт языкознания АН СССР, после стажерского срока успешно сдал экзамены в аспирантуру и стал аспирантом доктора филологических наук, профессора В.И. Абаева. Под его руководством была определена тема диссертационной работы В.М. Гусалова «Табу и евфемизмы в осетинском языке (лексико-семантический анализ)».

В годы учебы в аспирантуре В.М. Гусалов консультировался как у своего научного руководителя, так и у других иранистов-профессоров: В.С. Расторгуевой, Т.Н. Пахалиной, Д.М. Эдельман и др.

После окончания аспирантуры В.М. Гусалов вернулся в г. Владикавказ на работу в СОНИИ в должности младшего научного сотрудника отдела языка. С 1 декабря 1986 г. он был переведен на должность старшего научного сотрудника того же отдела.

В марте 1993 г. в Северо-Осетинском институте гуманитарных исследований в целях обеспечения научного подхода при разработке проблем культурологического цикла, связанного с научным изучением исторического существования скифо-аланского этноса, был создан Центр культурной антропологии, одним из координаторов которого был назначен В.М. Гусалов, принявший участие в научной экспедиции «VIA ALANICA», которая ставила целью не просто пройти дорогой алан, но сделать ее путем к сотрудничеству и прогрессу, соединить этой дорогой «тьму веков» и сегодняшний день, Восток и Запад.

В декабре 1998 г. Северо-Осетинский научный центр учредил Осетинский национальный фонд скифо-аланских исследований (Фонд им. В.И. Абаева), директором которого стал В.М. Гусалов. Позже, в 2001 г. на основе фонда был создан Центр скифо-аланских исследований Владикавказского науч-

ного центра РАН и Правительства РСО-А. Были утверждены программы междисциплинарных исследований языков, диалектов, фольклора и мифологии древних кочевников Евразии.

Будучи директором Центра скифо-аланских исследований, В.М. Гусалов провел огромную работу по установлению международных научных контактов, выработке глубоко содержательных научных проектов.

Одной из наиболее важных акций Центра явилось издание большого сборника «*Studia Iranica et Alanica*» (Рим, 1998 г.), посвященного великому осетинскому ученому В.И. Абаеву – фактическому основателю Центра.

Международное признание также получил издаваемый Центром англоязычный журнал «*NARTAMONG*», который мыслился как международное академическое издание. В создании этих проектов заслуга В.М. Гусалова велика. Он отдавал все свое время подготовке нужных научных

материалов и переводам русских текстов на английский язык. Вместе с тем Виталий Михайлович Гусалов продолжал заниматься исследованиями вопросов скифо-аланской истории, поднимал научные проблемы осетиноведения, в разработке которых принимал активное участие. Он оставил более 20 научных работ, 10 из которых опубликованы отдельными изданиями, статьями и тезисами в научных журналах.

Виталий Михайлович Гусалов сделал бы больше, но в расцвете сил коварная смерть вырвала его из среды родных и близких, друзей и сотрудников Центра, которые надолго сохраняют в сердцах светлый образ Виталия Михайловича Гусалова – прямого, справедливого, честного и порядочного, неутомимого исследователя важных проблем осетиноведения.

Центр скифо-аланских исследований ВНЦ РАН и Правительства РСО-А

Этот некролог не должен был появиться так рано. Виталий Михайлович Гусалов умер в возрасте 51 года. Не выдержало сердце.

Слово «рано» относится не только к биологическому возрасту, но и к столь резко оборванному безжалостной судьбой творческому восхождению. Тяжело всякое расставание с коллегой, с которым свела общая работа, но мы все-таки примиряемся, когда уходит человек на склоне лет, прошедший все этапы жизненного пути, включая научную старость и подведение итогов. Здесь случай иной. Виталий Гусалов только разворачивался в полную меру отпущенного ему природой дарования, только приступал к осуществлению выношенных годами упорного труда замыслов. Смерть застала его на подъеме.

По основной специальности В.М. Гусалов – иранист. Иранистика, как он любил повторять, – «наука долгожителей». Увы, в отношении его самого правило не сработало. А гуманитариям надо жить долго, особенно в России. Большой срок требуется человеку, чтобы успеть что-то сделать в непредсказуемой стране с рваным путем развития, без укоренившихся научных традиций. Василий Иванович Абаев (1900–2001) разменял второй век, а главный труд своей жизни – «Историко-этимологический словарь осетинского языка» (Т. 1–4. Л., 1959–1989) – начал публиковать, подойдя к 60-летнему рубежу. Жизнь его ученика В.М. Гусалова оказалась вдвое короче.

Виталий Гусалов родился в североосетинском селе Дарг-Кох, после школы работал корреспондентом районной газеты (1969–1970), учился на филологическом факультете Северо-Осетинского государственного университета (1970–1975 гг.), по его окончании работал на республиканском (СО АССР) гостелерадио, в 1978–1980 гг.

занимал должность лаборанта кафедры осетинской филологии и общего языкознания СОГУ. С 1980 г. переходит на научную работу: 1980 – стажер-исследователь отдела языка Северо-Осетинского НИИ (СОНИИ, в последующем – СОИГИ, СОИГСИ), 1980–1985 – стажер и аспирант Института языкознания РАН, с 1986 – младший, затем с 1988 – старший научный сотрудник в СО НИИ, с 1993 – координатор, с 1994 – руководитель Центра культурной антропологии при СОИГИ, с 1998 – директор Осетинского национального фонда скифо-аланских исследований им. В.И. Абаева, с 2001 – директор-учредитель Центра скифо-аланских исследований им. В.И. Абаева (все три – преемственные структуры). На последнем посту его и застала смерть.

Что осталось после смерти?

Личный вклад в науку Гусалова-исследователя не выглядит особо впечатляющим. Два десятка научных трудов, в основном – небольших статей по отдельным вопросам осетинского языкознания и вообще осетиноведения, а также смежных дисциплин – скифологии, иранистике, нартоведению. Его заслуга перед наукой в другом. Гусалов был носителем и интегратором идей. Таковым я и узнал его в последние два года его жизни, когда он возглавлял Центр скифо-аланских исследований им. В.И. Абаева (далее – Центр). Это не был директор-администратор, но именно организатор, досконально знающий проблемы той науки, в которой вращался, отбирающий и синтезирующий все лучшее, что он мог привлечь для успеха общего дела.

В.М. Гусалов всю жизнь занимался историческим осетиноведением в той его части, которое обращено к наследию древних иранских предков осетин – скифов, сарматов, аланов. Его подход к теме

(итог долгих исканий) можно свести, если говорить коротко, к двум позициям. 1) Скифо-аланские исследования должны рассматриваться в контексте иранской истории и культуры, *sub specie studiorum Iranicorum*. Гусалов активно возражал против смещения скифо-аланской тематики на периферию иранологических исследований, видя в этом неоправданное сужение поля зрения на иранский мир как таковой. 2) Осетия, как наследница языка, эпоса и мифологии североиранских кочевников, должна стать «естественным» средоточием этих исследований, тем более, что в современной России, после отпадения Таджикистана, осетины остались чуть ли не последним (еще есть дагестанские таты) коренным ираноязычным народом.

Вообще говоря, оба тезиса при желании можно оспорить, особенно второй. Тех же аланов трудно отнести к чистокровным иранцам, приоритет этнических «потомков» в науке не обязателен (лучшие работы по «классическому» иранству от Ахеменидов до Сасанидов принадлежат перу западных исследователей). Но с учетом принципа дополнительной сложности стоит сказать, что возражение не есть опровержение. В науке, как и в любом другом виде человеческой деятельности, важно не только, *что* сказано, но и *кем*. Потому что высказанную новую (или хорошо забытую старую) идею надо уметь реализовать. Вопрос в том, кто возьмется. Гусалов взялся и сделал немало на этом пути.

А путь был нелегок, во многом это был путь перепроходца. Традиций-то не было, о чем говорил и В.М. Гусалов (Вестник ВНИЦ, 2002. № 1, с. 28). Вс.Ф. Миллер, В.И. Абаев дали выдающиеся образцы научных исследований, но кто их продолжил? (Многочисленные любительские сочинения на арийско-скифо-сармато-аланскую тему без знания источников стоят вне всяких традиций.) Гусалов отдавал себе отчет в том, с каким наследием ему придется столкнуться. В одной из бесед он говорил, что в Осетии после сталинских репрессий не осталось подлинной интеллигенции. «Правят бал люди толкучки [...] Место тех, кого уничтожили, сначала заняли те, кто уничтожил, а это далеко не интеллигенты. Их должны сменить другие. [...] Мы преувеличиваем нашу интеллигентность и степень влияния интеллигенции на общесоветские дела. [...] Мы называем число кандидатов и докторов наук, у нас академиков сейчас столько [...] Академики есть, науки-то нет». И как приглашение к действию: «нашей интеллигенции надо отказаться от дилетантизма» (Северная Осетия. 19.10.2000).

На месте «науки нет». Каков выход? Выйти за пределы Осетии, ведь наука интернациональна по определению. И Гусалов шаг за шагом идет к созданию Центра, координирующего усилия ученых Москвы, Санкт-Петербурга, Франции, Италии, Голландии, США... При его активном участии создаются международные программы, цель которых –

поставить на службу скифо-, сармато-, алановедению – иранистику, антиковедение, византиноведение. Часть так и осталась в проекте, но часть увидела свет.

Издания В.М. Гусалова – наиболее зримый результат его деятельности как организатора науки. Под его редакцией вышли: два тома (из четырех) «Избранных произведений» В.И. Абаева (Владикавказ: Ир, 1990; 1995), международный сборник к 95-летию В.И. Абаева «*Studia Iranica et Alanica*» (Ser. Orientale Roma: 82; Roma, 1998), перевод исследования Г. Ньюли «Название алан в сасанидских надписях» (Владикавказ: Ир, 2002), две первых книжки журнала «*Nartamongæ*» (2002, 2003). Им же подготовлен к печати русский перевод с английского книги С. Scott Littleton, Linda A. Maltcor, «From Scythia to Camelot» (N.Y.; L., 2000), «на подходе» были первый выпуск альманаха «*Eurasia Scythica*», собрание аланских текстов «*Monumenta Linguae Alanicae*» и другие издания.

Как он их пестовал! Так насадка бьется над птенцами. Тщательно отбирал материал, беспрестанно звонил и надоедал авторам, договаривался, уточнял, вылавливал опечатки, подбирал иллюстрации, проверял и перепроверял казалось бы давно готовый текст, всегда был готов сдвинуть сроки, если страдало качество. Сердился, когда что-то не выходило, кипятился и пытел как чайник, бросал колкости. Долго добивался публикации в *Nartamongæ* (2003. II.1–2) новонайденной рукописи из С.-Петербурга с аланскими глоссами (четвертая подобная находка за столетие с лишним), вылетал в Питер делать копии, доволен был страшно, привез их. Не доумевал, даже переживал, когда обнаружил, что никого из «алановедов» это почему-то не интересует. «Никто даже не позвонил. Ну как же так?» – спрашивал он меня после первой газетной, затем журнальной публикации. Увы, причину он ранее уже называл сам: неинтеллигентность нашей интеллигенции. И дилетантство, мешающее отличить большое от малого, зерна от плевел.

Гусалову было нелегко в жизни: иногда причиной трудностей был он сам. Но... Сытые и благополучные науку не делают. «Все действительно ценное в жизни завоевывается трудом и болением сердца. Широкий, гладкий путь и открытые ворота ведут к падению и смерти всего того, что есть лучшего в человечестве. Тесен путь и болезненны ворота – к настоящему добру между людьми. Такова диалектика из диалектик бытия» (академик А. Ухтомский).

Чем закончить некролог? На память приходит одна средневековая эпитафия: «Он прожил жизнь гордым и умер бедным, как и подобает ученому мужу».

С.М. Перевалов,
к.и.н., ст.н.с. СОИГСИ